

Евгений Мисюрин

МАЙОР СИЦКИЙ ДРУГ ИНДЕЙЦЕВ

Джек Рэд - 2

Джек Рэд

Евгений Мисюрин

Майор Сицкий – друг индейцев

«Мисюрин Евгений»

2021

Мисюрин Е. Б.

Майор Сицкий – друг индейцев / Е. Б. Мисюрин — «Мисюрин Евгений», 2021 — (Джек Рэд)

Продолжение приключений Жоры Сицкого по прозвищу Джек Рэд, Олега Кулика с позывным "Злобный", Юры Воронина - "Африки" и Амалии Дуглас. На этот раз их ждут Даллас и дальше на индейскую территорию. Похищена дочь одного из богатейших людей САСШ, Уильяма Киссэми Вандербильта и никто, кроме них, не может помочь. Да и загадка летучей мыши в пещере Педрас Неграс ещё не разгадана.

Содержание

1	5
2	11
3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Евгений Мисюрин

Майор Сицкий – друг индейцев

1

Розовый шарик солнца медленно сплюснулся о горизонт, блеснул последний раз дорожкой по искристой воде широкого плёса, и провалился за край земли. Небо на востоке начало темнеть, широкая гладь травы замерла, не желая шевелением нарушить вечернюю идиллию. И только одинокая рыба шумно ударила хвостом, нарушая сказочную тишину застывшей прерии. Кулик широко взметнул перед собой одеяло, расправляя, и аккуратно опустил его на непрямую траву. Тут же на серо-коричневый верблюжий войлок упал ошеломлённый кузнечик. Он секунду посидел неподвижно, затем подобрал под себя все ноги и осторожно повертел головой. Майор сделал ловкое движение носком сапога, стараясь не запачкать ткань, и несчастное насекомое взметнулось вверх. Выполнило почти грамотную петлю Нестерова, завалилось в левую бочку, но высоты не хватило, и кузнец рухнул на серое полотнище. Правда тут же спохватился и, не размениваясь на высший пилотаж, нырнул в траву. Кулик равнодушно проводил летуна взглядом и безэмоционально произнёс:

- В траве сидел кузнечик.
- А мы его не заметили и скурили, – тут же подхватил Африка.
- Хохмач, – резюмировал Кулик. – Тебе только в цирке выступать, комик.
- Злобный ты, – с усмешкой ответил Африка. – Уйду я от вас.

Олег Кулик с позывным Злобный улыбнулся, что со стороны больше напоминало оскал, бросил на одеяло седло, и расслабленно плюхнулся сам. Тут же не глядя протянул руку, на ощупь выдернул травинку, и с удовольствием сунул её в зубы. С минуту разглядывал появляющиеся на темнеющем небе звёзды, затем сказал, ни к кому не обращаясь:

– Завтра будем в Абилине. Оттуда до ранчо «Аллигатор» четырнадцать миль на северо-запад. Ну а Хьюго Квиксильвера можно сдать и в тамошнем округе.

– Джентльмены! – Амалия рывком подскочила. Миг, и она уже сидит на одеяле на коленях, укоризненно тыча в мужчин указательным пальцем. – Сколько раз нужно вас просить говорить по-человечески?! Я из всего монолога ничего не поняла кроме Абилина. Мистер Злобный, – позывной она произнесла по-русски, явно не понимая его смысла, – в конце концов это неприлично – говорить на русском языке в случае, если среди вас дама, которая этого языка не знает.

Высказавшись, девушка бросила стремительный взгляд на лежащего чуть в стороне Джека, вздёрнула носик, и с видом победительницы закуталась в покрывало. У неё единственной постель состояла не только из брошенного на траву одеяла с седлом вместо подушки.

– Кстати о птичках, Жорик, – Юра Воронин с позывным Африка начисто игнорировал возмущения единственной женщины в группе и не собирался переходить на английский. – А чего это ты караулами не озаботился?

– Они не нужны. – Жора Сицкий, он же Джек Рэд, внял просьбе девушки и перешёл-таки на язык страны пребывания. – У нас лошади. Они среагируют на чужаков. Во всяком случае, моя Плотва в этом даст фору любой сторожевой собаке.

– А если нет? – переспросил Африка. Тоже по-английски.

– Ну, если тебя так заботят вопросы караульной службы, то раскидаем просто. Вы спите, я охраняю. А на собаку бужу тебя. Устроит?

– А Злобный? – недовольно отозвался Африка.

– А Злобный в Москву. Ему ещё надо всех наших обзвонить, договориться о встрече. Не забывай, он единственный, у кого нет проблем с выходом в реальный мир.

Последняя реплика прозвучала по-русски. Незачем Амалии знать, что её спутники попали в Техас посредством капсул виртуальной реальности. Так что Джек бросил взгляд на спутницу. Та демонстративно поморщилась, но ничего не сказала.

– Кстати, Рэд, а как ты думаешь, это наше прошлое или нет?

– То есть? – не понял Жора.

– Ну, я тут размышлял, пока делать было нечего, и понял, что есть два варианта. Либо нас закинуло в наше же прошлое, либо в параллельный мир.

– ...мальчишки, – недовольно пробормотала девушка, ни слова не поняв, и демонстративно повернулась на бок, показав мужчинам укрытую пледом спину.

– Кстати, Жорка, интересный вопрос, – вступил в диалог Кулик. – Вот только как проверить?

– Это я быстро, – Африка мгновенно вскочил и унёсся в степь.

Не меньше десяти минут в прериях слышался топот, перестук камней, прерываемый редкими матерками. Наконец, Воронин вернулся.

– Я там смайлик из валунов сложил, – доложил он. – Здоровый, метра три в диаметре. На гуглокартах точно видно будет. Так что, Злобный, ты как в реал выйдешь, не поленись, залезь в тырнет, посмотри, есть мой смайлик? Если есть, значит – прошлое. Ну, а нет, значит это параллельный мир. Сможешь?

– Да мне монопенисуально, – сквозь зевоту ответил Кулик.

– Вот утром всё и узнаем, – подхватил Воронин.

– Тогда отбой.

Жора расслабленно лежал на спине, положив руки под голову, и смотрел на звёзды. Небо с каждой минутой становилось темнее, высыпая на игровое поле очередные порции светящихся фишек. Отследить их было нереально. Вроде, смотришь в чёрное глубокое пространство, а на секунду перевёл глаза, и на том месте, где только что было пусто, уже разгорается далёкий огонёк. Через полчаса звёзды высыпали в невероятном для двадцать первого века количестве, делая небесный свод похожим на чёрный концертный костюм, нескромно украшенный стразами.

И тут же появились первые комары. Сицкий хлопнул себя по щеке раз, другой. Затем воздушные атаки пошли лавинообразно. Джек нашарил шляпу и накрыл ей лицо. На какое-то время это помогло. Но не прошло и десяти минут, как под ухом вновь противно зазвенели крылатые кровососы. Он выругался про себя. Ещё минуту мужественно терпел, затем беззвучно перекатился на живот. Дополз по-пластунски до фургона.

Их фургон мало походил на знаменитые «вагоны» переселенцев. Небольшой, чуть больше трёх метров, он слабо подходил для отдыха. Тем более, большую его часть заполняли мешки с провизией и овсом, куча трофейного оружия, которое ещё следовало отсортировать и привести в порядок то, что стоило привести в порядок. Однако, время от времени Жора привязывал Плотву к деревянному борту, а сам забирался внутрь покемарить на мешках. Вот и сейчас он решил, что духота лучше комаров, поэтому осторожно отстегнул три деревянные пуговицы, держащие тент, и нырнул через борт.

Амалия лежала, глядя на колышущуюся перед носом травинку. Настроение неотвратимо падало. С тех пор, как Джек встретил своих старых друзей, он стал уделять ей меньше внимания. Нет, понятно, что этот грубиян с ничего не значащим именем «Злобный», можно сказать, спас их всех. Но это не значит, что следует выкинуть из головы девушку, прошедшую вместе с ним через ужас.

А может, дело не в друзьях, а в ней? Кем она стала для Джека за время путешествия? Что она сделала, чтобы привлечь его внимание? То-то он собирался оставить девушку в Пед-

рас Неграс. И каких трудов стоило убедить Рэда взять её обратно. Может, надо было тогда... В голове вдруг возник образ её спутника. Памятная ночь, когда она пришла к нему в одной рубашке. Они лежали на его кровати, он гладил её волосы... Если бы ещё раз так.

Девушка минуту повертелась, наконец не выдержала. Сейчас она пойдёт в фургон и ляжет на то самое место, где днём отдыхает Джек. Там наверняка сохранился его запах.

Амалия поднялась, воровато огляделась и мышкой перепрыгнула через задний борт фургона. Внутри было темно и душно. И почему-то страшно посмотреть туда, в переднюю часть, скрытую настолько густой темнотой, что пространство казалось отгороженным тяжелой занавесью. Амалия пару секунд постояла неподвижно, наконец выбрала половинчатое решение: развернулась и полезла вглубь вперёд спиной. Точнее, не совсем спиной. Невысокая крыша фургона не позволяла встать в полный рост, да и пригнувшись, вроде, не так страшно. Так что сейчас она медленно ползла, используя собственную попу для прокладки пути среди сумок и мешков.

И вдруг упёрлась во что-то явно живое. Кто-то коснулся её ягодицы, затем вторая рука ухватила с другой стороны и резко толкнула вперёд. Почему-то первой мыслью было, если Джек узнает, что кто-то трогал её за попу, примет Амалию за легкомысленную лоретку и не захочет иметь с ней ничего общего. Девушка рванулась вперёд и завизжала во весь голос.

Джек только-только пристроился на мешке с овсом. Ноги пришлось раздвинуть в стороны – впереди мешался угол ящика. Он вновь заложил руки за голову и в этот момент задняя сторона тента отошла в сторону, пропуская внутрь чью-то тень. Тень неуверенно покрутилась на месте, словно прицеливаясь, затем навела на него крупнокалиберные ягодицы, как корабль главное орудие, и двинулась в атаку.

Шуметь не хотелось. Ещё не хватало, чтобы Африка завтра весь день потешался над тем, как они с Амалией гоняли друг друга по фургону. Поэтому он дождался, пока девушка приблизится и попытается её остановить. Одна рука не оказала никакого действия, тело неотвратимо надвигалось, грозя наступить ему на голову. Тогда Джек пустил в ход вторую ладонь и слегка оттолкнул ягодицы от себя. Эми отскочила и тут раздался истошный, до зубной боли, визг. Джек не нашёл ничего лучше, как вынырнуть в ту самую дыру, в которую вошёл, и свалить подальше в степь.

Амалия дернулась, и почувствовала звонкий удар по многострадальной попе. Снова с правой стороны. И тут снаружи раздался два подряд выстрела. Девушка дёрнулась, снизу что-то загремело и ей в ягодицу упёрся ствол ружья. Бедняжка на секунду замерла, но грабители не стали развивать свой успех. Она со страхом сделала крошечный шаг вперёд. Ствол пропал. Пистолет, вдруг вспомнила она. После случая в Монтемальдидо она всегда носила за чулком крохотный, но смертоносный, дерринджер. И сейчас, кажется, настало его время. Девушка резко нагнулась, пытаясь достать оружие, но кто-то схватил её сзади за ворот ночной рубашки и не пускал. Вновь вскрикнув, Эми рванулась вперёд, к спасительному выходу. Дерринджер уже был в руке, пальцы непроизвольно нажали на спуск. В ночи прогремел выстрел, пространство внутри фургона на мгновение осветилось, явив страшные, ни на что не похожие тени. Здесь скорее всего не один человек. Вон там, справа, кажется, кто-то притаился с чем-то тяжёлым, напоминающим лопату. Снаружи испуганно заржали лошади.

Юра Африка проснулся от чувства тревоги. Кажется, где-то рядом стреляли. Он огляделся, стараясь не обнаруживать движения. Так. Злобный дрыхнет, но это нормально. Он вышел из игры, сейчас пушкой не разбудишь. А вот Рэда нет. Одеяло пусто, только шляпа валяется. И девушка отсутствует. Это уже серьёзно. Если бы он куда-то уходил, обязательно предупредил бы.

Фургон внезапно заходил ходуном, раздался грохот металла, стук деревяшек. Вот оно что. Кто-то решил их ограбить. И, похоже, Жорик со своей пассией ему больше не помощники.

Чёрт, это отвратительно. Был бы ещё хотя бы Злобный в кондиции. А один он что может? Но не сдаваться же.

Африка вынул из-под седла револьвер и выпустил наугад пару пуль в сторону фургона. Не стараясь попасть, так, пугнуть. В ответ раздался крик, и кто-то тоже разрядил один патрон. Юрка метнулся к задней стенке и осторожно приподнял ткань. В лицо ему тут же что-то прилетело, следом с кошачьим мявом на него бросилась юркая фигура. Револьвер мгновенно вылетел из руки, он схватил нападавшего и резко ударил головой в переносицу.

– Эй! Вы что там вытворяете? – строго прокричал за спиной Сицкий.

Африка мгновенно ослабил хватку. Противник тут же скользнул в сторону и превратился в Амалию.

– Африка, блин, – Жора появился ниоткуда с горящей веткой в руке и теперь выговаривал как на плацу перед строем. – Тебя на пять минут оставить нельзя? Только я ушёл, ты уже до девушки домогаешься?

Юра стоит, покаянно опустив руки, стараясь не смотреть в сторону неизвестно, как очутившейся в его объятиях девушки, и только чувствует, как под глазом набухает невесть откуда взявшийся синяк. Спасла положение сама пострадавшая. Она протянула в сторону фургона руку с разряженным дерринджером и тревожным голосом проговорила:

– Там кто-то есть, Джек. Меня кто-то трогал, и даже одежду порвал.

Рэд метнулся внутрь, и через секунду позвал Амалию. Девушка забралась следом и, краснея, уставилась на клочок ткани, висящий на остро отточенной лопате.

– Этот человек порвал на тебе одежду? – с издёвкой спросил Джек.

– Дурак! – она, пряча мгновенно промокшие глаза, устремилась наружу. Не прошло и двух минут, как все заняли свои спальные места. Молча и не глядя друг на друга.

Утром раньше всех встал Злобный. Когда Жора проснулся, товарищ был уже умыт, побрит и варил кофе на разожжённом в ямке костре. Он протянул Сицкому кружку и потребовал:

– Гони рубль, родственник.

Джек порылся в карманах, вытащил серебряный доллар и протянул другу.

– На доллар, сирота, – нарочито растягивая гласные проговорил он.

– Не, не пойдёт. Я на твои поминки тыщу рублей сдал, а ты мне паршивый доллар суёшь.

Жмот.

– На поминки?

– Ага. И ещё. Ну-ка...

Злобный беспардонно подхватил седло Джека и внимательно взгляделся в номер на боку.

– Ну да. Тридцать восемь восемнадцать. Можешь поздравить, Рэд. Я твой наследник. Это же ты капсулу пометил номером своего ордена?

Жора только вполголоса выругался. Африка, который, оказывается, весь разговор стоял в стороне, наконец, подошёл к Кулику.

– А смайлик, Олег? Ты смайлик нашёл?

– О, Африка! Ну ты учудил. Короче, на том месте, где ты на ночь глядя в камешки игрался, в будущем будет аэропорт. Бетонная взлётка. Так что ищи новое место, исследователь. А ты, Жорка, учти, что из нашего батальона, тех, кто уже безвозвратный, здесь четверо. Правда, где они, этого никто не знает.

– А Батя?

– Петров пока от капсулы отбрыкивается руками и ногами. Как дальше сложится – будем посмотреть.

Мало-помалу разговор переходил на менее значимые темы, потом и вовсе затих сам собой. Не прошло и получаса, как компания из трёх мужчин и одной девушки неспешно рысила по дороге. А ещё через час все трое остановились возле неказистого домика, собранного, каза-

лось, из самых неудачных брёвен на всю округу. Прямо перед домом на вбитом в землю колу болталась доска с надписью «Аллигатор». Джек и мистер Злобный переглянулись и мгновенно растворились в вымахавшей по пояс траве. Правда, через пять минут они вновь стояли возле дома, что-то вполголоса объясняя третьему другу, который Африка.

Амалия вновь вслушивалась в непонятную русскую речь, пытаясь сообразить, как вообще этим ненавистным мужчинам удаётся разбирать, что каждый из них говорит. Ведь ни одного знакомого слова! Тот, который Злобный, буркнул невразумительно по-своему и пристроился у узкого окна-бойницы с винтовкой наготове. А Джек что-то старательно объясняет парню по имени Африка. Тот кивает, но по глазам видно, что не понимает ни слова.

– Твоя задача – отвлечь его от окна, понял? – распинался тем временем Джек. – Стучи, кричи что-нибудь, но чтобы он к двери подошёл. И главное, сразу падай. Ты нам здоровый нужен. Плохо будет, если этот Хьюго умудрится тебе ещё одну пулю в голову загнать.

– Почему ещё одну?

– Так одна пуля в голове у тебя уже есть.

Рэд рассмеялся немудрёной шутке. Юра подумал и присоединился.

– Эми, – Джек повернулся к девушке. – Прошу тебя, осторожнее. Отойди вон туда и что бы ни случилось, не высывайся. Хорошо?

Амалии ничего не оставалось, кроме как кивнуть. А Африка уже стоял возле грубой самодельной двери.

– Эй!!! – в голос кричал он и молотил кулаком.

– Какой идиот решил отправиться на свидание со святым Петром с утра пораньше? – просипел изнутри явно похмельный голос.

– Сам ты идиот! Открой немедленно, это сосед снизу. Вы нас заливаете!

– Чего?!

Джек подскочил и мгновенно сдёрнул замершего Африку с линии огня. Изнутри прогрехотали пять выстрелов и дверь украсилась аккуратными дырками. В этот момент с той стороны дома донеслась ружейная пальба. А Рэд уже стоит у своего окна и тоже пускает внутрь пулю за пулей. Амалия смотрела, как лёгкий ветер сносит облака порохового дыма в сторону, делая дом чем-то похожим на старый, побитый жизнью и невзгодами, речной кораблик, из последних сил тянущий против течения. А вокруг него, подобно незадачливому пловцу, прыгал влево-вправо Африка, сжимая в каждой руке по револьверу.

– Ну... – приговаривал он еле слышно. – Ну... ну...

Как оба ганфайтера проникли в дом, девушка не заметила. Просто вдруг стрельба сменилась приглушёнными криками и вознёй, затем в доме что-то несколько раз стукнуло, будто кто-то шумно ставил стул сразу на все четыре ножки. А потом дверь открылась и наружу вышел улыбающийся Джек. Он выглядел так, будто сорвал главный приз в лотерею. Лицо его светилось, и оттого казалось прекрасным. Девушка, глядя на мужчину, и сама не могла сдержать улыбки.

Африка в этот момент вдохновенно крутил свои револьверы на указательных пальцах. С трудом увернувшись от открывшейся двери, он уронил оба ствола на землю, суетливо дернулся влево-вправо, затем устался на друга.

– Ну что? Мы счастливы?

– Аж до соплей, – зловеще ухмыльнулся Рэд. – Касса банды составляет одиннадцать тысяч пятьсот двадцать американских рублей. А главное, все девять членов этой самой банды живы и не потеряли товарный вид.

– Это ж ещё четыре тыщи бакинских!

– А то, – подтвердил вышедший следом Злобный. – Давайте их паковать в фургон.

– А? – радовался Африка. – Скажите, что я правильно тогда эти объявления сорвал. Ведь верно?

– Правильно, правильно, – гулко согласился Кулик. – Давай, пакуй клиентов.

Амалия с удивлением смотрела, как мистер Злобный по одному выносит бандитов, держа каждого на плече, словно мешок кукурузы. Руки разбойников были связаны за спиной, ноги окровавлены. У каждого. С последним вынесенным она догадалась, что сделано это было специально. Ранение в ногу гарантирует обездвиженность преступника, и вместе с тем, позволяет доставить его до шерифа живым.

Шериф Мариенфилда Герхард Конц, встретил их неласково. Он долго ходил кругами вокруг фургона, наполненного пыльными ворчащими разбойниками, разглаживал ладонями объявления о вознаграждении, что-то считал на пальцах. Наконец, повернулся к Джеку и недовольно сказал:

– Мне они не нужны. Ни один из банды Квиксильвера не объявлен в розыск в округе Абилин.

Речь представителя закона было сложно понять. Американец немецкого происхождения, причём, родившийся в Германии, он чудовищно коверкал слова.

– Вот ведь прохвост, – буркнул по-русски Злобный и переспросил. – Не возьмёшь?

– Хрен фюр ты! – На смеси русского и немецкого вскрикнул шериф и показал тугую, покрытую веснушками и рыжими волосами, дулю. – Я нихт нужен.

– Ты откуда русский знаешь, герр Конц? – Спросил Джек. По-английски, естественно.

– Я эрбайт мит ваш людишкен. Им Свинемюнде.

Рэд с удовольствием завязал разговор с полиглотом-немцем, от которого узнал, что раньше всё было отлично. Кайзер Вилли Прусский захотел канал из Одера в Балтику – и яволь – прорыли за какие-то семь лет. А потом канал кончился, и оказалось, что квалифицированному землекопу не так легко найти достойную работу во вновь образованной Германии. Зато город Свинемюнде внезапно стал популярным портом, из которого кто угодно может уехать в благословенную Америку, где столько земли, что копать-не перекопать. Опять же, удачливые земляки-американцы открыли прямо в порту своё представительство, где решали проблемы тех, кто не имел средств на билет. И приглашали не в чисто поле, а в город, населённый такими же германцами, так что и язык учить не обязательно.

– Основательно вы здесь устроились.

– Йа. Мы умеем работать. Опять же, стараемся для себя. Нам в этом городе жить.

Он посмотрел на Джека уже другими глазами и помотал головой.

– А этих, – жест в сторону фургона. – Извини, всё равно взять не могу. Мэр не поймёт. Эх, ладно. Только для земляков! Единственное, могу на основании ваших бумажек отконвоировать преступников в Даллас, в федеральный суд. Но тогда и вам за вознаграждением придётся ехать туда же.

– Ну, данке и за это.

– Нах здрави!

– Джентльмены, – подала голос Амалия. – Если вы уже закончили свои мужские дела, то предлагаю прогуляться по городу. Надеюсь, вы обратили внимание, что Мариенфилд, в отличие от большинства мест, где мы уже были, застроен красивыми кирпичными домиками, совсем как Европа на фотографиях. Уверена, что здесь мы найдём и приличный ночлег, и множество других интересных вещей.

– А ещё у них наверняка отличное пиво, – подхватил Африка.

2

Воронин входил в салун, или скорее, в бар, последним, и классическая для Запада двустворчатая распашная дверь добавила ему такого ускорения, что молодой человек мгновенно оказался впереди друзей.

– Такая дверь называется «пендельтюр», – заметил он, потирая ладонью окрестности спины. – И теперь я понимаю, что очень даже не зря.

– Ха! – Хохотнул в ответ Злобный. – Это точно. Пендель она тебе отвесила смачный.

Джек вошёл в зал и на мгновение подумал, что оказался в офицерском кафе в Котбусе. Там служил отец, давно, ещё до вывода ГСВГ в Союз, и Жора мальчишкой частенько заскакивал за жвачкой и баснословно вкусными яблочными штруделями. Там так же висел неистребимый запах пива, стены красного кирпича были отмыты до блеска. Даже стойка была точно такой же – массивного чёрного дуба с блестящими бронзовыми заклёпками. Так же, как и в ГДР, здесь всюду слышалась немецкая речь, и посетители пили в основном не привычное виски, а пиво.

– Гутен таг, – поздоровался огромный, на голову выше Злобного, бармен с широкой окладистой светло-русой бородой.

– Здравсьте, – недовольно буркнул Олег Кулик по-русски, ревниво оглядев фигуру работника стойки и стакана.

Африка лишь молча приподнял шляпу. Он был занят – с интересом осматривал помещение и посетителей. Сицкий старательно вспоминал детство, напряг память, и выдал на почти приличном немецком:

– Добрый день. Какое пиво вы можете предложить трём мужчинам? И ещё с нами дама. Есть ли что-нибудь для неё?

Бармен положил огромные, как окорока, локти на стойку, секунду поискал взглядом Амалию, внимательно её оглядел, будто прицениваясь, поднял левую бровь, и, скорее, спросил у Джека, чем предложил:

– Рислинг?

– Что из рислингов вы имеете предложить? – коряво уточнил Сицкий.

Бармен поднял вторую бровь.

– Какая разница? Я его пробовать что ли буду? Рислинг, он и есть рислинг, герр...

– Рэд. Джек Рэд.

– Американец? Странно. Я был уверен, что вы все трое русские.

– Так и есть, герр...

– Йохан Беллофф к вашим услугам, герр Рэд.

– Тоже русский?

– Бог миловал. Чистокровный немец, родом из Грибова.

Тут же на стойке, как по волшебству появились три огромные керамические кружки, укрытые шапками плотной бежевой пены. Впрочем, они так же мгновенно оказались в руках друзей. Следом с еле означенным поклоном бармен протянул Амалии бокал с бледно-зелёным рислингом.

– Мэм, – вежливо предложил он.

Девушка успела сделать не больше двух глотков, а Злобный уже стукнул своей кружкой о стойку.

– Ещё, – шумно выдохнул он.

Бармен молча повторил. Кулик обхватил кружку лапищей, сделал небольшой глоток, пристально глядя на бармена, затем поставил тару на базу.

– Значит, здоровый, говоришь? – с недобрый прищуром спросил он.

Бармен молчал.

– Что? Испугался? А слабо тебе выйти из-за своей стойки и проверить, кто кого, а?

Бургеры у окна недовольно зашевелились, слышалась несмелая просьба:

– Эй, герр мистер, не надо лезть к нашему Йохану.

– У нас мирный городок, – добавил кто-то.

– Злобный, отстань от человека, – попросил Рэд.

– А чё он такой здоровый? Что, решил, что самый сильный, да?

Кулик сделал пару наклонов, попутно разминая кулаки, махнул руками влево-вправо. В этот момент правая часть стойки распахнулась, и в зал с неестественным стуком вышел бармен. Дружья окаменели от неожиданности. Левой ноги у Йохана Белова не было, вместо неё он стучал об пол деревянным протезом. Секунду царил тишина. Первым нашёлся Злобный. Он подскочил к бармену и протянул правую ладонь.

– Прости, друг, я же не знал, – извиняющимся тоном проговорил Олег. – Нет, теперь-то всё понятно, я и не злился. Так, хотел выяснить, кто здоровее. Но теперь...

Бармен секунду разглядывал неслучившегося партнёра по драке, затем обхватил руку Кулика своей лапищей.

– Всё нормально. Я тебя понимаю. Никаких претензий.

Олег расплылся в улыбке. Жора только сейчас заметил, что всё это время простоял неподвижно. Африка, кажется, тоже. И только Амалия смело шагнула к Йохану и протянула пустой стакан.

– А можно мне тоже повторить? – чуть заплетаясь спросила она.

– Минуту, мэм, – прогудел бармен и перевёл взгляд на Злобного. – А может всё же выясним, кто сильнее? Ты как, на руках бороться умеешь?

– Ставлю десять долларов, – тут же согласился Олег.

– Мэм, если он победит, вино для вас бесплатно, – огласил свои условия Йохан.

– Мистер Злобный, – девушка подбоченилась и смотрела на спутника со строгостью тёти Тома Сойера. – Не подведите меня.

Словно по мановению руки посреди зала образовался свободный стол и две табуретки. Соперники грузно опустились на места, схватили друг друга ладонями, левыми уцепились за противоположные края столешницы, и дружно запыхтели. В зале стояла тишина, нарушаемая лишь громким, почти синхронным, сопением рукоборцев. Ещё время от времени Амалия шуршала платьем. Так продолжалось около трёх минут. Борцы покраснели, вены на шеях обоих вздулись, но оба стояли неподвижно, как статуи. Наконец, Йохан с утробным рёвом навалился плечом на собственное запястье и, напрягаясь изо всех сил, начал сдвигать руку Олега. Тот лишь сказал еле слышное «Ук!» и покраснел ещё сильнее. В воздухе отчётливо запахло потом, дыхание соперников ускорилось.

– Давай, Йохан! – крикнул кто-то.

– Злобный, дави немца, – парировал Африка.

Этот возглас будто сорвал клапан. Мгновенно в зале поднялся шум. Местные поддерживали своего бармена, путники – друга. В глубине неведомой откуда взявшейся толпы кто-то уже делал ставки. Даже Амалия присела у соседнего стола и колотила кулачками по собственным коленкам, приговаривая: «Злобный! Злобный!».

И вдруг раздался оглушительный треск. Дубовая столешница сломалась пополам, и соперники, повалившись вперед, звонко стукнулись лбами. Зал потонул в недовольном крике.

Йохан Белов, опираясь ладонями о бёдра, с трудом поднялся. Лицо его было краснее макового цветка. Он оглядел бар ошалевшим взглядом, пару секунд рассматривал расколотую дубовую доску, после чего подал руку не менее удивлённому Олегу.

– Никогда в жизни такого не видел, – проговорил бармен.

– Аналогично.

– Значит, ничья?

– Не возражаю.

Белов обвёл взглядом замерших в удивлении друзей и предложил:

– По кружке за счёт заведения?

– И даме, – подсуетился Африка.

На улицу вышли, провожаемые одобрительными возгласами посетителей. Весь час, что друзья провели в баре, единственной темой для разговоров было соревнование по армреслингу. Кто-то уже написал на двух половинах столешницы, на одной «Йохан», на другой «Олег», и теперь решали, куда их лучше пристроить – над стойкой или над входом.

– На вокзал? – спросил Джек.

– Зачем? – с лёгкой улыбкой ответила вопросом на вопрос Амалия.

– Нам же в Даллас. Зря я что ли у местного шерифа бумагу выправлял?

– Жора, не торопись, – придержал друга Злобный. – Ты прямо, будто не знаешь, с какой скоростью работает судебная система. Пока они договорятся, кто из местных отконвоирует наших бандюков. Пока муниципалитет деньги на проезд выделит. Да пока доедут со всеми пересадками. Опять же, в федеральном суде жуликов надо принять, оформить.

– Мы смело можем тут неделю прожить, как раз успеем.

– А ещё я видела объявление, – добавила Амалия. – Вчера приехал театр. Называется «Великая международная труппа несравненного маэстро Бонтона». Может, сходим?

Как ни странно, в городе был свой театр. Он оказался прямо напротив общественных городских конюшен, так что друзьям и искать не пришлось. Сдали на передержку лошадей и фургон, и сразу же заметили большое здание красного кирпича с двумя блестящими шпилями и несколько грубоватой статуей крылатого пегаса в портике над входом. Голова пегаса больше напоминала ослиную, чем конскую, а с обеих сторон от двустворчатой двери висели аляповато выполненные вывески: «Только эту неделю! Всемирно известная труппа несравненного маэстро Бонтона представит вам...»

Дальше корявыми буквами было выведено от руки: «опера гениального композитора Тиковского Евгений Онега. Начало на закате.». Злобный потёр пальцем рукописные буквы.

– Палкой что ли рисовали? – проворчал он.

– Главное, не задумываться, что эти маэстры использовали вместо чернил, – Африка намекнул на коричневый цвет надписи.

Злобный понюхал палец и сморщился.

– Это что? Я угадал что ли?

– Джентльмены, я считаю, что на оперу стоит сходить. Как вы думаете?

– Эми, – Джек повернулся к девушке. – Эти всемирно известные жулики фамилию «Чайковский» пишут через «т». Да и в названии тоже ошибка. Может, для шахтёрских городков среднего запада это и нормально, но боюсь, тот, кто действительно слышал оперу «Евгений Онегин», будет разочарован.

– А я пойду, – раскрасневшаяся от вина девушка махнула кулачком. – Всё равно ничего лучше здесь не будет. А я в опере последний раз была в двенадцать лет. Мне, кстати, понравилось. Ну? Кто со мной?

Джек посмотрел на небо.

– В любом случае, до заката ещё четыре часа. Думаю, есть смысл прогуляться до вокзала и посмотреть расписание поездов на Даллас.

Далеко идти не пришлось. Когда впереди показалось похожее на угольный склад здание с часовой башенкой на крыше и надписью: «Станция Мариенфильд», Африка довольно улыбнулся.

– За что я люблю маленькие города, это за их компактность. Нужен вокзал – пожалуйста. Театр тоже здесь. Пивные вообще на каждом углу. Удобно.

– Да. Пивных много не бывает, – согласился Злобный.

Видимо, градостроители тоже так думали, потому что первое, что друзья увидели внутри здания – бар на десяток столиков. Сейчас все они были заняты посетителями, кроме одного, на котором стоял полный мужчина средних лет в когда-то белых, а сейчас серых в яблоках, штанах без гульфика, но с застёжками по бокам, фиолетовом сюртуке по колено поверх коричневого жилета, и блестящем чёрном цилиндре.

В руке у мужчины была кружка пива, сюртук и жилет расстёгнуты, из-за чего можно было видеть полное отсутствие какой-либо рубашки. Ни сорочки, ни даже привычного на западе «Лонг-Джонса». Отдельной тряпочкой несвежий воротник, кружевная манишка, скрученная в трубочку под подбородком, и торчащие из рукавов манжеты. Однако, несмотря на фрагментарность одежд и профессионально сизый нос, вид у мужчины был торжественный. Он держал кружку на вытянутой руке, обзоревая зал, словно со сцены.

– Карл Клару склонил к аморалу! – торжественно продекламировал незнакомец.

– Не-е-ет!!! – с хохотом ответил многоголосый хор посетителей. – Не та-ак!!! Карл у Клары украл кораллы!

– Ну, может быть, может быть, – милостиво уступил оратор. – Но согласитесь, что моя история гораздо более пикантная.

Он обвёл смеющийся зал немного расфокусированными глазами и запел неожиданно приятным баритоном на мотив «Августина»:

– Aia poppeia, ist das eine Not!

– Wer schenkt mir einen Dreier zu Zucker und Brot? – проревел в ответ зал.

Господин на столе элегантно раскланялся и тут же присосался к кружке.

– Однако... – Заметили в один голос Жора и Олег.

– Джентльмены, идёте разузнаем о поездках на Даллас, – поторопила Амалия.

Выбраться из вокзала удалось не скоро. Кассира на месте не оказалось. Нашёлся он, что не удивительно, там же, в баре. Правда, к его чести, абсолютно трезвый. За всеми этими перипетиями, на улицу вышли, когда солнце уже почти добралось до финишной черты.

– Джек, мы опоздаем, Джек, – торопила Амалия.

– Что ты волнуешься? – прогудел в ответ Злобный. – Вон он, твой театр. Видишь толпу у входа?

– Ну всё. – Девушка замерла на месте. – Мы уже опоздали. Нам ни за что не пробиться сквозь эту толпу.

Действительно, возле входа сгрудились не меньше сотни человек. Они что-то невнятно скандировали, а некоторые грозили кулаками запертой двери. Друзья подошли без надежды прорваться внутрь, однако, первый же, кого они тронули за плечо, расплылся в улыбке.

– Герр Олег, – почтительно кивнул мужчина и приподнял шляпу. – Прошу вас, проходите. Может, хоть вас они послушают.

Злобный неуверенно улыбнулся и шагнул вперёд в образующийся прямо перед ним проход. А за спинами друзей звучало вполголоса:

– Это Олег. Слышал, поди, он сегодня с бородачом Йоханом на руках боролся.

– Это где стол сломали?

– Да ну, не верю!

– Да иди сам посмотри, половинки над входом висят.

– Да я своими глазами, вот как твою недоверчивую рожу!

Злобный постучал в дверь. Ожидаемо никто не ответил. Мужчины оглянулись на толпу.

– Почему не пускают?

– Да!!! – взревели сразу несколько голосов. – Почему не пускаете? А ну откройте!

В створки заколотили кулаки. Наконец одна половина двери со скрипом приоткрылась и оттуда высунулась недовольная физиономия с всклокоченными волосами.

– Дзентльмены, – шепеляво проговорил человек изнутри. – Я боюсь, вы зря собрались.

– Что?!!! – проорала толпа. – А ну давай нам оперу!

– Не уверен, что смогу выполнить вашу без сомнения справедливую просьбу. Видите ли, у нас пропал ведущий актёр. Мы не можем найти его уже три часа.

– Эй! – Злобный одной левой выдернул служителя Мельпомены на улицу и поставил перед собой. – А ты вообще кто?

– Я? – мужчина молниеносными движениями привёл в порядок причёску, приосанился. И вот уже перед толпой стоит уверенный в себе человек. – Я, юноша, всемирный известный маэстро Бонтон.

– Скажите, месье Бонтон, – Амалия с трудом протиснулась к двери. – Это случайно не ваш актёр развлекает публику в вокзальном баре?

– Как он выглядит? – скороговоркой спросил Бонтон.

– Пока ещё почти прилично.

– В фиолетовом сюртуке?

– Совершенно верно.

Толпа, замершая на время диалога, с рёвом двинулась в сторону вокзала. Бонтон мгновенно сориентировался, распахнул дверь и с улыбкой встал на входе.

– Прошу вас, уважаемая публика, – торжественно пропел он. – Вход доллар. С женщин и детей – полдоллара. Негры не допускаются.

Через час друзья возвращались в гостиницу и со смехом обсуждали только что прослушанную оперу.

– Вы зря смеётесь, дзентльмены, – Амалия надменно задрала носик, умудряясь смотреть на здоровяка Злобного одновременно снизу-вверх и как бы сверху вниз. – Мне опера очень понравилась. Замечательная музыка, да и постановка не оставляет желать лучшего.

– Ага, – смеясь согласился Кулик. – Особенно, когда Онегин с Ленским пригнали стадо на ранчо к Лариным. Да и сцена дуэли не подкачала. Режиссёр явно изучил не одну схватку настоящих ганфайтеров.

– Я только не пойму, – подхватил Африка, – почему Татьяна в конце бросилась под паровоз.

– Потому что вы, все трое – бесчувственные снобы, дзентльмены, – безжалостно резюмировала девушка. – Как можно было не растрогаться во время сцены президентского бала четвёртого июля, не понимаю. Мистер Рэд, а почему вы молчите? Можно подумать, вы в отличие от нас, смотрели не всемирно известную театральную труппу, а лекцию общества трезвости.

– Что вы, мисс Дуглас. Я впечатлён до глубины души. Автор явно имел какие-то сведения об оригинале. И мне жаль, что сведения эти оказались отрывочными.

– Да?! – Амалия подбоченясь посмотрела на самозваного критика. – Так, может, вы поведайте нам, как всё было на самом деле?

– Куда-а, куда-а. Куда вы удалились. Весны моей златые дни-и. – Африка пропел неожиданно мелодичным и отлично поставленным тенором, и девушка заслушалась, несмотря на то, что ни слова не поняла. А Юра продолжал. – Что день грядущий мне готовит? Его мой взор напрасно ловит. В глубокой мгле таится о-он...

– Чи гэпнусь я дрючком пропэртый, – низким баритоном подхватил Злобный. – Чи мымо пролунаэ вин...

Все трое разразились смехом.

– Но позвольте, дзентльмены, – очнулась очарованная слушательница. – Ничего этого в опере не было!

– Это у Бонтона не было, Амалия, – пояснил Джек. – А у Пушкина было. И у Чайковского тоже. Но спорить не буду, эти актёры тоже пели хорошо.

Проснулся Джек рано, солнце только-только поднялось из-за горизонта. Натянул штаны, берцы, шляпу и спустился на первый этаж. Остальные путешественники ещё спали. Впрочем, не только они. Портье за стойкой также не оказалось, так что Жора решил сгонять в бар, заказать кофе на всех.

Йохан Белов уже стоял на посту, более того, встретил знакомого с улыбкой и за пару минут организовал небольшой медный чайник, полный напитка, сваренного по-немецки. Как раз нужной концентрации и сладости. Жора не выдержал, стрельнул на стойке чашку чуть больше напёрстка, плеснул себе и с удовольствием сделал первый за день глоток.

– Спасибо, дружище, – кивнул он бармену. – Именно то, что нужно.

– Не забудь вернуть чайник, – прогудел в ответ Йохан.

На обратном пути его остановил незнакомый голос.

– Джек Рэд?

Сицкий оглянулся. Посреди улицы стоял высокий мужчина в насквозь пропылённом плаще и такой же шляпе. Под расстёгнутым плащом виднелись две кобуры.

– Допустим, – неспешно ответил Жора. – Но кто вы и что вам от меня надо?

– Поверь, не пройдет и минуты, как тебя перестанет беспокоить этот вопрос. Как, впрочем, и любой другой. Но я не стреляю в спину, поэтому держи.

Ганфайтер ловко выдернул револьвер с левого бедра и бросил Джеку. Тот даже не пошевелился, чтобы поймать. Лишь укоризненно глянул на смотрящее на него дуло второго Кольта.

– Ну уж нет, – помотал головой Рэд. – Я не пользуюсь непроверенным оружием. Если хочешь стреляться, то подожди, пока я схожу за своим.

Не дожидаясь ответа, он развернулся и вошёл в дверь гостиницы. В номере оказалось пусто. Ни Злобного, ни Африки в кроватях не было. Рэд сдёрнул с крючка на стене пояс, застегнул его, не заморачиваясь остальными деталями одежды. Вынул Смит-Вессон, резко переломил его, проверяя наличие патронов, и вышел в коридор. Тяжесть сорок четвёртого русского придавала уверенности. Жаль только, что друзей найти так и не удалось.

Стрелок всё ещё стоял посреди улицы, но теперь он был не один. Шагах в двадцати за его спиной уже собиралась толпа. Жора остановился напротив и опустил правую руку. Противник медленно обвёл глазами периметр, затем без какой-либо команды мгновенно рванул кольт и нажал спуск. В этот момент Джек уже летел вперёд и вправо, наставив свой ствол на грудь противника. Выстрелы прогремели одновременно и неестественно громко. Ухо Джека обожгло. Опять левое, только ведь зажило, недовольно подумал Жора.

Его пистолет не подвёл, и тяжёлая пуля сорок четвёртого калибра шарахнула противника в грудь, заставив того сделать пару шагов назад. Раздался глухой металлический звук. Впрочем, никакого другого эффекта выстрел Рэда не произвёл, и незнакомец вновь наводил ствол. В этот раз Джек оказался быстрее. Не желая рисковать, он внимательно смотрел на лоб неизвестного стрелка, стараясь отрешиться от остального мира. Только он, продолжение его руки – револьвер, и цель – тёмная складка прямо под срезом шляпы.

В этот раз всё получилось, как должно быть. Незнакомец картинно раскинул руки и повалился на спину, а Джек в это время уже перекачивался, беря на прицел вход в гостиницу. Если он не ошибся, первый выстрел был не двойным, а даже тройным. И третий стрелял именно с той стороны.

Но через секунду он поднимался, зажимая пальцами кровоточащее ухо. А из открытой двери ему приветливо махал Злобный. Рука друга сжимала цевьё Винчестера.

– Во-он, видишь? – спросил Кулик. – напротив, за углом валяется. Не люблю нечестных поединков, а этот целился как раз тебе в спину.

– Тогда спасибо.

– Да чего там. Свои люди. Пойдём, на твоего посмотрим, что-то мне не понравилось, как он на первый выстрел отреагировал.

– Вот-вот. Точно в бронице.

– Что происходит? Кто стрелял? – к гостинице, поднимая пыль копытами пегой кобылы, подъехал шериф.

– Всё в порядке, герр Конц, – Джек доложил, вытянувшись в струнку. – Закона это не касается. Я стрелял лицом к лицу, и противник был вооружён.

– А вон тот, – Злобный махнул винтовкой, – целился Джеку в спину. И если это не попытка убийства, то можете звать меня папой римским.

– Разберёмся, ваше святейшество, – улыбнулся шериф.

Он прошёл к лежащему посреди улицы покойнику, долго там возился. Зачем-то расстегнул на нём пиджак. Потом положил на лицо отлетевшую в сторону шляпу и ушёл за угол, ко второму.

– Эй! – прокричал с крыши гостиницы Африка. – У вас всё нормально?

– Ты что, только сейчас забрался? – спросил Злобный.

– Нет, конечно. Просто надоело сидеть, когда всё уже кончилось.

– Ещё раз спасибо, – Жора пожал руку другу. – Не ожидал, что вы организуете такую поддержку.

– А чего ты ожидал? Что я тебя брошу? И не надейся!

Шериф подошёл, когда компания уже завтракала. Он тяжело уселся на свободную табуретку и опустил тяжёлый подбородок на ладони. Некоторое время молча смотрел, как друзья едят, затем кивнул.

– Приятного аппетита. – И без перехода продолжил. – Братья Робсоны. Так что в Далласе можете смело требовать ещё три сотни. Две за Эйзу и одну за Мозеса.

– В вашем округе они, как я понимаю, никому не интересны? – уточнил Джек.

– У нас тихий городок, – покачал головой Герхард. – Был. Пока вы не приехали. И изменения многим не нравятся.

– Но, мистер Кунц, – вступила в разговор Амалия. – До поезда на Даллас ещё пять дней.

– Я полон сочувствия, мисс. И тем не менее, спокойствие города для меня важнее. Но я не был бы шерифом, если бы не нашёл выход из этой ситуации.

– Какой? – поднял голову от тарелки Африка.

– Курт Шустер решил представить на ежегодной техасской ярмарке своего лучшего производителя, англичанина по кличке Герцог.

– Англичанина? – удивился Африка.

– Совершенно верно, сэр. Быка английской породы. Так вот. Ранчо Шустера находится в сорока милях на север отсюда. И вчера он приезжал именно для того, чтобы найти пару ковбоев для перегонки стада.

– Опять стадо, – Джек схватился за голову.

– А в чём дело, мистер Рэд? Кажется, в прошлый раз вы неплохо справились с подобным заданием. К тому же по пути разгромили бандитское логово. Я бы, конечно, не хотел, чтобы вы разнесли по кирпичику Даллас. Но отогнать туда стадо вы вполне можете.

Друзья молча и печально собрались в путь. На выезде из города их догнал шериф. Он поманил рукой Джека и указал чуть влево.

– Вон, видите гору, мистер Рэд? Вон ту, с двумя вершинами. Она так и называется – Доппелькопф, или Твинтоп. Держите на ладонь правее и как раз попадёте на ранчо. – он понизил голос и добавил. – Вместе с братьями Робсонами в город приехал ещё один человек. Некто Энтони Хайбиндер. А сразу после вашего поединка он пришёл ко мне. И заявил, что Джек Рэд виновен в смерти отца и матери юного Александра Джонсона, а также в краже скота семьи Джонсонов и сорока пяти тысяч долларов. Требовал, чтобы я вас немедленно задержал.

– Но вы этого не сделали.

– Всё верно. Даже не собирался.

– Почему, мистер Конц?

– Я вижу ваши глаза, Джек. И это вовсе не глаза убийцы женщин. Вы скорее за свою спутницу перегрызёте горло хоть самому чёрту. Но убивать посторонних женщин не станете. Я представляю власть в этом городке уже восемь лет и, поверьте, научился различать людей по глазам. Так что счастливого пути вам и вашим спутникам.

3

Вход в ранчо заметили издалека. Он был обозначен огромной самодельной аркой, собранной прямо посреди степи из сухих стволов, без какого-либо намёка на ворота. С первого взгляда могло показаться, что некий крайне равнодушный ковбой просто сколотил вместе три первых попавшихся под руку высохших дерева. Но присмотревшись, каждый мог понять, что вход оборудован с любовью, кроме того, человек, его изготовивший, не чужд прекрасного. Об этом говорили, во-первых, серая от времени и пыли доска со смутно различимой надписью: «Ранчо Шустера», а во-вторых, прибитый к перекладине огромный, выеденный ветром и солнцем, коровий череп, раскинувший прямые, как стрелы, рога не меньше, чем на два метра в стороны. Спутники несколько минут осматривали вход, но так и не нашли ничего, хоть как-то напоминающего ворота, что, несомненно, сигнализировало о гостеприимстве здешних обитателей. Единственным хоть как-то сдерживающим элементом являлся едва заметный забор из двух ниток колючей проволоки, бегущих в стороны от входной арки.

Солнце клонилось к закату, добавляя в палитру красного цвета, и на фоне огромного оранжевого диска перманентно открытые ворота приобретали в своём облике что-то inferнальное и загадочное. Арка казалась порталом, связывающим два мира – привычный, тот, в котором друзья проехали уже не одну сотню миль, и другой – неведомый, может даже волшебный.

Амалия замерла на облучке фургона, приложив ладонь ко лбу. С минуту девушка посто-яла неподвижно, затем повернулась к Джеку.

– Может, я вас тут подожду? – с жалостливой ноткой в голосе спросила она.

Джек круто развернулся, подведя свою кобылу прямо к спутнице.

– Эми, не нужно. В прерии ночью могут быть койоты. А то и бандиты. Ты будешь всю ночь бояться и не выспишься. Я тоже буду волноваться за тебя и тоже не высплюсь.

– А ты будешь волноваться? – девушка тут же забыла про страхи и лукаво улыбнулась.

Но появился Африка и всё испортил. Он подъехал с другой стороны фургона и глубоко-мысленно изрёк:

– Мы в ответе за тех, кого приручили. Антуан де Сент-Экзюпери.

– Что? – Переспросила Амалия. – Кто?

– Лётчик такой французский, – Юра пожал плечами.

– Лётчик?

Жора не выдержал и вмешался. Он покрутил приятелю пальцем у виска, затем глянул на спутницу и спросил:

– Ты видела воздушные шары?

– О, да! – Амалия мгновенно расплылась в улыбке, щёки её порозовели. – К нам в Хиллтаун приезжал цирк-шапито, и у них был воздушный шар. Катали всех желающих за пять долларов. Я тоже хотела, только меня дедушка не пустил.

– Вот те, кто летает, называются лётчиками.

– Хорошо бы сейчас, – мечтательно продолжила девушка. – Сесть всем вместе в корзину и – чух-чух!

– Чух-чух, это поезд, – вмешался Африка.

– Хватит фантазировать, – окликнул их Злобный. – Поехали, а то стемнеет скоро.

Само ранчо полностью соответствовало воротам. Три здания, сложенные из природного камня, с густой травой на крышах, одну из которых старательно объедала белая коза, составляли двор. Посередине двора располагался колодец, тоже сложенный из камней. А прямо перед ним, положив грубые ладони на лежа одинаковых Винчестеров, стояли два бородача.

Они казались абсолютно одинаковыми. У обоих бороды до груди, кустистые брови, и длинные волосы неопределённого цвета из-под серых от пыли шляп. Оба в грубых кожаных передниках поверх нижних рубаш. Разница была лишь в росте. Один выглядел на голову выше второго. Наверное, чтобы скрыть эту разницу, второй стоял на наполовину ушедшем в землю бревне. Они неподвижно смотрели на подъезжающую кавалькаду и, без сомнения, готовы были при малейших признаках агрессии выпустить в неприятеля по полному магазину.

Путешественники дружно спешили и, старательно прикрывая девушку, подошли к аборигенам. Несколько секунд две группы молча разглядывали друг друга, затем Злобный приложил пальцы к шляпе.

– Милейший человек, шериф Конц, сообщил нам, что Курт Шустер ищет ковбоев, чтобы перегнать стадо в Даллас.

– Западный Техас полнится слухами о смельчаке, который уничтожил бандитский город Монтемальдидо, ликвидировал семью Леоне, и положил конец вражде двух кланов. – Тот, что повыше, приветливо приподнял шляпу, потревожив таким образом не меньше полусотни мух, нашедших пристанище на её полях. – И сейчас я рад воочию видеть знаменитого Джека Рэда.

– Джек Рэд это он, – прогудел в ответ Злобный и указал на Жору.

– А как вас зовут? – поинтересовался второй. Голос у него оказался неожиданно высоким.

– А мы его друзья. Я – Кулик или Злобный, как вам удобнее. Это Африка. А милую барышню зовут Амалией.

– Добро пожаловать на ранчо, – высокий вновь приложился к шляпе. – Я Курт Шустер.

– Петер Шустер, – эхом откликнулся низкий. – Рад приветствовать.

– Вы братья? – Поинтересовался Африка.

– А разве сразу не видно?

Вопрос был задан таким тоном, что все присутствующие невольно улыбнулись.

– Идёмте, – махнул рукой Курт. – Перекусим, чем бог послал, а после я покажу вам стадо.

– Джентльмены, – подала голос Амалия. – Мистер Конц ничего не говорил о плате за работу. Вам не кажется, что сейчас самое время, чтобы прояснить этот вопрос?

– Мистер Кулик, – Курт обернулся. – Я не знал, что в вашей команде денежными вопросами распоряжается женщина. Насколько мне известно, к западу от озера Хаббард принято наоборот. Мужчина приносит в дом деньги, а женщина довольствуется той суммой, что он ей дал.

– Джентльмены, пусть вас не волнуют отношения, сложившиеся в нашей команде, – включился в разговор Джек. – Но, если вам так удобнее, я задам тот же вопрос. Какую сумму вы намереваетесь заплатить за эту работу?

Братья не сговариваясь уткнулись шляпами друг в друга так поспешно, что казалось, их бороды спутаются вместе. Наконец, они разошлись, и Курт Шустер сказал:

– С учётом того, что мы искали всего двух ковбоев, а вас трое.

– Да ещё и с дамой, – добавил Петер.

– Да. И с дамой. Мы планировали заплатить двоим. Я повторю, двоим ковбоям по две сотни. И то, что вас трое, не значит, что вы получите лишние двести долларов. Это лишь значит, что мне повезло, и я получил троих погонщиков по цене двух. Вас устраивают такие условия?

Минуту царил молчок, обе группы переглядывались, то и дело косясь на оппонентов. Никто не хотел ни соглашаться, ни отказываться. Молчок нарушил Африка.

– Мы всё равно собирались в Даллас, – проговорил он.

Это послужило неким триггером. Четверо соискателей дружно подняли головы на потенциальных работодателей.

– Мы согласны, – выразил общее мнение Джек.

– Только кормите в дороге вы, – добавил Злобный.

В целом вечер прошёл продуктивно. К удивлению Амалии, несмотря на неказистый вид ранчо, здесь нашлась и ванна с горячей водой для неё и спутников. И весьма приличный стол, сервированный фарфором и весьма изысканными серебряными приборами. Ну, а то, что основными блюдами на столе была жареная несколькими способами дичь, ничуть не умаляло его достоинства. Как и то, что хозяева из всех сил старались спить своих новых работников. Впрочем, эта затея кончилась почти поголовным сном головой в собственных тарелках для всех, кроме Джека и Злобного. Первый не любил алкоголь, да девушка уже привыкла к подобной особенности своего спутника. А второй без сомнения мог без посторонней помощи уничтожить всё, чем рачительные хозяева надеялись спить гостей.

Впрочем, всех не вынесших алкогольного марафона разнесли по специально подготовленным комнатам слуги. Оказалось, здесь есть и такие. Девушка прошла в выделенную ей спальню сама. Без посторонней помощи разделась, улеглась на широкую, мягкую кровать и долго ворочалась. Сон не шёл. Вместо него в голову лезли неприятные мысли. Почему-то вспомнился утренний поединок. Какой-то проходимец просто так, безо всякой причины, вызвал Джека, без малейшего сомнения остановив на улице. А что было бы, если бы он его убил? Что тогда было бы с ней, с Амалией?

Ведь и Африка и этот противный Злобный относятся к ней с симпатией лишь потому, что воспринимают её как девушку своего друга. Это не подлежит сомнению. А как воспринимает её сам Джек? За эти дни она увидела в нём много неизвестных ранее черт. Он явно исподволь руководит своей тройкой, хоть и не отдаёт приказы напрямую. И вместе с тем, не старается казаться выше остальных.

А она? Джек включил её в свою команду или воспринимает как временную попутчицу? Сколько хитрости и усилий пришлось приложить Амалии, чтобы не остаться одной в захудалом мексиканском городке Педрас Неграс. И вот, она путешествует с тремя очень неплохими стрелками. С одной стороны, теперь она может не бояться никаких бандитов. Проверено. А с другой...

А с другой стороны, неясно, куда вообще собираются эти трое? Неужели ни одному из них, а главное, этому глупцу мистеру Рэду, не приходит в голову, что не годится для мужчины всю жизнь прожить как перекасти-поле, не имея собственного дома, любящей жены и выводка жизнерадостных, беззаботных ребятишек. Девушка твёрдо решила окончательно поговорить с Джеком завтра. С этой мыслью и уснула.

Следующий день оказался до предела насыщен событиями. Сначала в Даллас уехал Шустер младший с англичанином, затем друзья под руководством Курта повели своим ходом стадо. К следующему полудню Курт Шустер с Джеком стояли перед началом достаточно узкого ущелья. Вокруг них на все голоса перемукивалось стадо. Дальше в стороны поднимались достаточно крутые скалы, потихоньку перерастающие в полноценные горы. Нетерпеливые быки то и дело пытались сунуться в ущелье, но останавливались и недовольно орали. Дело в том, что поперёк ущелья были натянуты три ряда колючей проволоки, и каждая скотина, которая пыталась их проигнорировать, тут же ретировалась, уколов кто бок, а кто и нос. Шустер печально оглядел окружающие вершины, деревянные колья, к которым была прибита проволока, одинокого грифа, что сидел на скале и любопытно вертел лысой головой, ничуть не стесняясь ни стада, ни вооружённых людей.

– Ненавижу таких гадов, – прокричал Курт. Говорить среди коровьего многоголосья следовало, повысив голос. – Перегородят единственный проход, и где теперь, спрашивается, быков вести?

– Кар! – громко согласился гриф.

– Вот и я о том же, – скотовод повернул голову и дружелюбно кивнул птице.

– Но ведь у тебя самого вокруг ранчо натянута колючка.

– У меня – это другое дело. Там её обойти можно. А Троттеры, детёныши скунса и ослицы, перекрыли единственное ущелье.

– Кар! – добавил гриф.

– Верно. И плевать, что это их земля. Ну-ка...

Он вынул из седла мачете, подошёл к ближайшему столбу и в три удара лишил его проволоки. Шустро оттащил обрубленный хвост в сторону и добродушно хлопнул ближайшего быка по крупу плоскостью клинка. Тот молча пошёл вперёд, а за ним, грозным рёвом расчищая путь, ведущий бык стада. Примерно через милю или чуть больше ущелье расходилось до пар сотен ярдов. Тогда Шустер старший, залихватски прикрикивая: «Йе-ха!» за минуту остановил стадо, после чего подъехал к Джеку, дожидаться Злобного, Африку, и фургон с Амалией.

Петера Шустера уже с ними не было. Он ещё утром погрузил огромного, раза в два больше, чем любой другой бык, англичанина по кличке «герцог Мальборо» в специально нанятый вагон. Они с потенциальным медалистом ехали железной дорогой. Провожать их вышли все. И слуги с ранчо, и вновь нанятые ковбои.

Утром спутать братьев было бы сложно. Младший в дорогу переоделся и теперь совершенно не походил на себя вчерашнего. Ноги его были скорее украшены, чем одеты в роскошные сапоги из змеиной кожи. Штаны, также кожаные, удерживал широкий ремень, инкрустированный серебряными пластинами. Плечи укрывал невозможный белый в бесформенные чёрные пятна «коровий» пиджак, покрытый коротко стриженной шерстью. Шляпа создавала с ним абсолютный ансамбль, полностью соответствуя по цветам. Даже борода младшего из братьев была аккуратно расчёсана. Сейчас Петер Шустер выглядел так, как по мнению техасцев и должен выглядеть владелец уникального элитного быка.

– Всё, как и говорил шуцман Конц, – Джек указал на вагон. – Этот клоун сваливает. С нами остаётся Курт Шустер, и ведём мы стадо.

– Да и пускай, – пожал плечами Африка. – Главное, чтобы эти зизитопы с нами потом расплатиться не забыли.

– За этим мы проследим, – кивнул Злобный.

И следил. Весь путь до ущелья он то и дело срывался то в авангард, то в боковой дозор, оставляя контроль стада на спутников. Вот и сейчас, коротко кивнув Джеку, Кулик порысил вперёд. Африка же наоборот, остановился рядом и даже спешился чтобы поправить седло.

Шустер дождался фургона, после чего оглядел спутников.

– Дальше идём очень осторожно. Это земля Троттеров, чтоб им через каждые два шага икалось.

– Если я правильно понимаю, вы их не очень любите, – сказал Джек.

– А чего их любить? Вот скажи мне, разве хороший человек перегородит свою землю колючей проволокой?

– Но ведь и у вас тоже проволока вокруг ранчо, – вставил Африка.

– На твоём месте я бы не стал сравнивать, – упрекнул Шустер. – У меня огорожено только ранчо. По полмили в каждую сторону, возьми да обойди. А эти ребята перегородили единственный проход через горы Пони.

– Пони? – переспросил Джек. – Троттеры живут на индейской земле?

– Была она индейская. Потом сами пони ушли, а название осталось.

Раздался приближающийся стук копыт, и через минуту к группе приблизился Злобный.

– Сюда едут трое, – коротко доложил он. – Все вооружены. Засады пока не встретил.

Шустер поморщился.

– Это Троттеры младшие, – пояснил он. – Вы молчите, парни. Я с ними сам поговорю.

Ждать пришлось минут десять. Наконец, к группе подъехали три всадника. Когда они приблизились, стало видно, что каждый выглядит под стать Курту Шустеру, только без бород. Вернее, один из прибывших имел на лице это украшение, но куцее, юношеское. С десяти шагов

незаметно. В остальном – вылитые братья Шустеры на ранчо. Пыльные, нечёсанные, в одежде неопределённого цвета. Зато гонору у каждого было, хоть отбавляй, это чувствовалось и в посадке, и в движениях, и во взглядах.

Друзья непроизвольно собрались вокруг своего нанимателя. Джек привычно провёл рукой по боку, проверяя кобуру, и скользнул вниз, где из седла торчала верная «Мышеловка».

– А, это ты, Шустер, – надменно начал бородатый юнец. – А папаша всё думает, что за самоубийца решился сломать забор на чужой территории. Что? Гонишь бычков на продажу? Небось, тяжело такой маленькой компанией управляться с большим стадом? Ну так мы тебе поможем. Мы же добрые, верно?

Последние слова он произнёс, обращаясь к своим спутникам. Те, довольно улыбаясь, закивали головами и почти одновременно положили руки на рукоятки револьверов.

– На твоём месте, Сэм, я вёл бы себя осмотрительнее с незнакомцами, – в тон ему ответил Шустер. – Никогда не знаешь, чем кончится тот или иной конфликт.

Тройка дружно засмеялась.

– Ну, в случае с тобой, Курт, мы точно знаем, чем всё кончится. Не даром же Петер в этот раз предпочёл везти вашего Герцога поездом. Так что ничего нового. Сейчас ты, как всегда, передашь нам половину своего стада и спокойно поедешь дальше.

– А если нет?

После этих слов юноши рывком выдернули револьверы. Раздались четыре выстрела, и перед Куртом Шустером сидят в сёдлах трое безоружных молодых людей. Причём, не просто сидят, а трясут отбитыми руками. Джек и Кулик демонстративно покрутили на пальцах свои стволы и сунули их на место. После чего Рэд вышел вперёд.

– Сэмуэль Троттер? – он ткнул пальцем в бородатого. Тот неуверенно кивнул. – Что так нерешительно? Или ты не Самуэль?

– Й-я...

– Значит, ты остаёшься. А вы, двое. Езжайте к своему папаше и скажите, что, если он хочет увидеть своего сыночка живым и здоровым, пусть приезжает завтра утром. Один. Будет договариваться с Шустером о стоимости прохода через его земли. Мы не грабители. Но и себя ограбить не дадим. Так что пусть поговорят серьёзно и решат, как сделать так, чтобы и одному, и второму было выгодно проводить здесь стада. Поняли меня?

Один из всадников за всё время не двинул даже бровью. Зато второй еле заметно кивал почти каждому слову, будто соглашаясь. Он же, дослушав до конца, сказал:

– Мы всё передадим, мистер.

– Рэд. Джек Рэд.

– Тот самый?

– Смотря, о чём ты.

– Ну, который один перебил всю банду Томаса Рида.

– Не совсем, – хотел ответить Джек, но не успел.

– Да, – Амалия сделала шаг вперёд. Она ехала в фургоне и сейчас стояла за лошадьми мужчин. – И он не только их перестрелял.

– Тихо, – остановил девушку Джек и вновь посмотрел на Троттеров. – Вы ничего не забыли?

– Забудешь тут, – буркнул собеседник.

– Тогда вперёд. А ты, Сэм, останешься здесь.

Переговорщиков отправили, выдав каждой лошади размашистый шлепок по крупу. С Самуэлем тоже не стали особо церемониться. Джек подвёл к нему Кулика, провел ладонью сверху вниз, будто демонстрировал товар, после чего спросил настороженно сжавшегося парнишку:

– Знаешь, кто это?

Тот помотал головой.

– Это Злобный. Знаешь, как переводится его имя? Очень агрессивный. Так что ты с ним лучше попокладистей. А то можешь и не дожить до утра. Не поверишь, иногда даже я его боюсь.

Олег выдал свою фирменную улыбочку, которую слямзил в своё время из фильма «Терминатор-2», и сидящий на земле Троттер судорожно заёрзал ягодицами по камням, отползая подальше.

– Руки! – требовательно рыкнул Злобный, мгновенно спутал пленнику все четыре конечности и снова улыбнулся.

– Эй! – голос юноши подрагивал. – А если мне захочется... ну, это... по всяким делам, – он стеснительно мазнул взглядом по Амалии. Девушка в ответ понимающе улыбнулась.

– В брюку сходишь, – наставительно сказал Злобный. – Всё равно, если будешь плохо себя вести, они тебе больше не понадобятся.

Дальше команда занялась оборудованием лагеря, почти не обращая внимания на пленника. Не до него. Кто-то сгонял скотину к прозрачному ручью, выбивающемуся из-под скалы, кто-то готовил походный ужин. Но всё же время от времени каждый поглядывал на угрюмо следящего за ними пленника.

Позже, когда на ущелье упала ранняя темнота и все, включая Троттера, получили свою порцию мяса с бобами, Курт предположил:

– Наверное, стоит кому-то встать на охрану. Не верится мне, что Троттеры дотянут до утра.

– Это уж как вода мокрая, – согласился Африка.

– Я бы на его месте точно не стал ждать, – высказался Злобный.

Караулить первому выпало Джеку. Когда лагерь затих, он перетащил одеяло на скалу, которая возвышалась метрах в двадцати от костра, сунул под бок Маузер и кружку с кофе. Ночь была тёмная, безлунная. Силуэты скал скорее угадывались, чем виднелись, и следовало полагаться в основном на слух. Однако, дежурство прошло спокойно, если не считать попытки Сэма отползти в сторону. Но стоило Троттеру завозиться, Джек подобрал камень, размером с кулак, и засветил ему прямо по шляпе. Раздался бильярдный стук, отлично слышимый в ночной тиши, и больше пленник его не беспокоил.

После часа ночи, когда холодный кофе уже почти не бодрил, на скалу неслышно забрался Злобный. Он хлопнул караульного по плечу и предложил:

– Иди, отдохни. Моя очередь.

Разбудили Джека выстрелы. Он машинально откатился в сторону, хватая винтовку, затем выбрал подходящий камень и укрылся за ним. Не прошло и минуты, как остальные также разобрали позиции для стрельбы. Только стрелять было не в кого. В тишине рассветного каньона прогремели ещё два выстрела из Винчестера, затем гулкий голос Кулика проорал:

– Эй! Мы как, на утреннюю дойку не опоздали? А то, понимаешь, наберут малолеток, а молока не завезут.

По правому склону, неуклюже перебирая связанными ногами, спускались двое парней. Они испуганно оглядывались назад, рискуя сломать ноги на неровном спуске. Через десяток секунд к ним присоединились ещё трое. Так же связанные. Затем с левого склона скатился ещё один юноша. Группки сливались вниз, как горные ручейки в один поток. Не прошло и двух минут, как по ущелью брели восемь безоружных молодых мужчин.

И тут из-за дальней скалы показался Олег Кулик. Он единственный из всей компании был верхом, мало того, вёл в поводу ещё семерых лошадей. Свободной рукой Злобный размахивал над головой большим плетёным кнутом. Сейчас Олег выглядел совсем как деревенский пастух, собирающий утром коров в общее стадо. Только вместо коров грозный табунщик гнал перед собой крошечное стадо разоружённых парней. Руки парней были связаны за спинами. Петли на ногах также ограничивали движение. Когда группа пленных приблизилась, погонщик крикнул:

- А Троттера старшего среди них не было. Хитрый, видать, старый гусь.
- Это... вы их всех... один, мистер Злобный? – слегка заикаясь спросил Курт.
- Да чего там сложного-то? Это бойцы что ли? Так, мелочь пузатая.

До ранчо Троттеров добрались, когда солнце уже повернуло на закат. Сначала шли по то сужающемуся, то расширяющемуся каньону вдоль неширокого, перепрыгнуть можно, ручья. Затем горы вокруг стали более пологими, превратились в покатые, поросшие сочной травой, холмы. А на одном из них...

Сперва Жоре показалось, что он видит классический английский форт. Такие, вроде бы, ставили раньше на индейских территориях. Лет сто назад. Вот только справа от этого строения паслось немаленькое стадо, голов пятьсот, а прямо впереди лениво вертелся ветряк колодца. Вне границы форта, чего военные никогда бы не допустили. Да и пленные Троттеры воодушевились, стали на что-то указывать конвоирующему их Африке. Тот всю дорогу вёл среди вверенного контингента просветительскую работу. Другом им, понятное дело, не стал, но смог выжать максимум из того факта, что все мальчишки остались живы. И сейчас один из них выбежал вперёд и заорал:

– Отец! Не стреляй! Мы все здесь. Нам не причинили вреда, эти люди идут всего лишь договориться с тобой.

Над воротами показалась всклокоченная голова без шляпы, и сиплый голос ответил:

– А чего бы им не договариваться, верно, малыш, вы у них в плену. Я в доме один. На таких условиях много можно выторговать.

Мужчина поднял руки, показывая, что не вооружён, и обратился к Курту.

– Что, Шустер, ты всё-таки решился отобрать мою землю? Гляжу, нанял серьёзных ганфайтеров. Но не жди, что я встану хоть с одним из них лицом к лицу. Я не сошёл с ума. Это моя земля, мой дом. И если я перестреляю вас из-за забора, буду в своём праве. Смотри, Шустер. У меня здесь десяток дальнобойных штуцеров. И стреляю я из них метко. Так что успею положить вас всех ещё до того, как вы подберётесь на расстояние револьверного выстрела.

– Не дури, Троттер, – крикнул в ответ Курт. – Мы не хотим тебе зла. И твои мальчишки это подтвердят. Ведь они все живы и здоровы.

Некоторое время форт молчал. Наконец, одна воротина приоткрылась, и из неё высунулась голова. На этот раз в серой шляпе. Под головой блестел ствол винтовки.

– Ну давай поговорим, Шустер, – согласился Троттер. – Только, раз уж ты такой честный, оттони своих вояк в сторону. Подальше, ярдов так за сто. А сам иди сюда один. И прихвати с собой эту девчонку. Давно я не видел женщин, хоть вспомню, как они пахнут.

Минут пять решали, что делать. Джек был против того, чтобы Амалия подходила близко к этому затворнику. Но Злобный о чём-то поговорил с другом, и Рэд в конце концов согласился. В итоге Африка так и остался с Троттерами младшими, Джек отвёл коней к стаду и сидел в седле, то и дело непроизвольно проверяя наличие маузера и Смит-Вессона. Злобный же привычно выдернул травинку и расположился где-то сбоку, мгновенно скрывшись из вида. Курт и Амалия медленно, каждую секунду ожидая неприятностей, двинулись к воротам. Но Троттер, раздвинув в улыбке редкие коричневые зубы, сам сделал первые шаги навстречу. Теперь у него не было винтовки, только обязательный револьвер на бедре. Хозяин форта вразвалочку подошёл к переговорщикам и вдруг неуловимым жестом притянул Амалию к себе. Зарылся лицом в волосы девушки.

– А-ах! – довольно выдохнул он. – Как мне этого не хватало.

Теперь у Троттера в руке был нож, который он прижимал к боку пленницы. Он хитро глянул на замершего Шустера и оскалился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.